

Я помню! Я горжусь!

Рубрику «Я помню! Я горжусь!» продолжают две биографии ветеранов – героев сражений на Сахалине с японскими захватчиками.

Мужество ковалось в боях

В январе 1945 года Николаю Александровичу Бородину привоили офицерское звание и доверили командование огневым взводом. Взвод входил в состав стрелковой дивизии, которая дислоцировалась на границе с Маньчжурией.

Существовавшая тогда напряженная обстановка требовала от бойцов и командиров особой бдительности, сосредоточенности, готовности дать японским милитаристам, время от времени нарушавшим границу, сокрушительный отпор. О хорошем отдыхе и думать было нечего. Бойцов поднимала боевая тревога. Не учебная, а именно боевая, когда нужно при всей выкладке вчитанные минуты занять заранее определенные позиции и приготовиться к ведению боя.

Все понимали, что долго так продолжаться не может, должна наступить развязка. Провокации японских милитаристов нужно было положить конец.

В ночь на 9 августа 1945 года офицеры вызвали в штаб полка. Объяснили ситуацию и задачи, оставленные перед полком и взводной. Они заключались в том, чтобы перейти границу Маньчжурии и начать боевые действия за освобождение этой части Китая от японских захватчиков. Дивизия вводится в проыв, а это значит, что на нее падают одна из труднейших задач.

– Заранее предупреждаю, – сказал командир полка, – на легкую победу не рассчитывайте. Враг силен. В полосе наступления нашего полка, по данным раз-

ведки, более десятка дотов и дзотов. Это только обнаруженных, а сколько их осталось не обнаруженными? Тут уж нашим артиллеристам придется потрудиться...

9 августа 1945 года войска Второго Дальневосточного фронта начали боевые действия против японских милитаристов. Завязались ожесточенные бои. Да, японцы создали мощную оборону. Они в полном смысле слова зарылись в землю и кинжальным огнем останавливали наступление пехотинцев. И тогда на позиции младшего лейтенанта Бородина звучал требовательный голос командира полка:

– Координаты дзота. Немедленно подавить.

Он, командир, знал, как это трудно сделать. Надо выходить на прямую наводку, навесным огнем дзот не уничтожишь. Только в лоб. И бойцы понимали, что иного выхода нет. Они на руках выкатывали орудия на ощерившиеся дзоты. В грохоте разрывов не было слышно команды командира взвода, но опытные артиллеристы и сами знали, что нужно делать: нулевые установки, наклон ствола орудий – на уровень цели и огонь. Главное – быстрота. Ведь японцы тоже не мешкают.

Приходилось завязывать настоящие артиллерийские дуэли. Они были очень опасными. Снаряды ложились вблизи орудий. Редели ряды бойцов. Но артиллеристы помнили приказ: «Только вперед!». Необходимо огнем поддерживать наступление пехоты.

Это было суровое испытание на мужество, верность воинско-

му долгу, служению Родине. И бойцы взвода Н. А. Бородина выдержали его.

Японцы дрогнули и начали поспешно отходить. В короткое затишье командир взвода подвел итоги и выразил благодарность бойцам за проявленное мужество. А его самого поблагодарил командир полка и сказал, что он представляется к награждению медалью «За отвагу».

А затем были новые бои. Японцы, хотя и понесли большие потери, все еще обладали достаточными силами. Они вводили в бой новые резервы, старались любой ценой приостановить наступление наших войск. Пытались контратаковать. Но все их попытки разбивались о стойкость советских солдат.

Здесь от каждого требовалась собранность, умение владеть собой в самые трудные минуты, а от командиров – четко руководить боем, оперативно принимать соответствующие решения. Ведь от этого зависели не только исход боя, но и жизнь солдат. Именно таким командиром и показал себя младший лейтенант Н. А. Бородин. Его взвод, поддерживая пехоту, непрерывно наступал. Сопротивление японцев ослабевало...

И вот она, Победа! Нелегко она далась советским войнам. Многие товарищи недосчитались после кровопролитных боев. Но злобный очаг войны на Дальнем Востоке был потушен. Н. А. Бородин был удостоен медали «За победу над Японией».

Н. А. Бородин

Сменив воинскую форму на гражданский костюм, он взялся за учебу. Окончил техникум. В 1950 году приехал в Макаров. И с тех пор работает на целлюлозно-бумажном заводе. Он – инженер-конструктор. С кем бы я ни разговаривал о нем, слышал только положительные отзывы. Отличнейший работник, внимательный, отзывчивый товарищ, прекрасный семьянин. И очень скромный человек. Не любит выпячивать себя, кичиться заслугами, хотя их у него немало. Сам из трудовой семьи, и детей воспитал трудолюбивыми.

Дядя он, Николай Александрович Бородин, бывший офицер-артиллерист, замечательный труженик.

А. ГЕРУС.

Опубликовано в газете «Родная земля» №105 от 02.09.1980 года.

С праздником, ветераны и молодежь!

Ежегодно во второе воскресенье сентября советский народ отмечает День танкистов и работников танковой промышленности. Этим народ проявляет свою любовь к славным защитникам родины.

Первые советские танки были остроены сормовскими рабочими. В годы гражданской войны эти машины участвовали в боях с интервентами и белоказаками. Железную поступь наших боевых машин изведали японские милитаристы у озера Асан и реки Халкин-Гол. Неуязвимой славою покрыли себя воны-танкисты в годы Великой Отечественной войны. В сражениях за Иоску и Ленинград, Севастополь и Одессу, в битвах на Волге и Курской дуге в первых рядах наших славных боевых частей шли советские танкисты.

Давно отгремели залпы орудий, но многие бывшие танкисты отчетливо помнят солдатские будни военных лет.

...Электросварщика ремонтно-механических мастерских лесхоза Федора Григорьевича Егорова война застала в Подосковье. Враг рвался к Москве, молодые танкисты встали на пути столицы, отбивали атаки врага. Но вот снарядом разворвало гусеницу танка, машину свалило пламя. Егорову удалось выбраться из горящего танка, уже немедленно уходить – уже неминуемо. Но в машине лежало раненный командир танка. И механик-водитель бросился в лок. Командир был спасен. В этом бою тяжело ранило и много механика-водителя.

Потянулись долгие дни в госпитале. Но молодость, сила воли, стремление быть там, где трудно, сделали свое. Егоров снова в строю. Он вел уже новый танк по дорогам на Минск, участвовал в боях на Курской дуге, сражался под Ленинградом.

С освободительной миссией побывал советский танкист Егор-

тельство неггибаемого мужества, смелости, находчивости советского танкиста.

После госпиталя Егорова в составе танковой бригады направляются на Дальний Восток.

...Это было на территории Маньчжурии. В тоннеле, который казался пустым, танкисты обнаружили замаскированную батарею противника. Маневрируя, они смело пошли на сближение и метко обстреляли врага. Еще несколько выстрелов – и батарея прекратила свое существование. Выполнив задание, танковая рота отправилась обещать. Федор Григорьевич случайно задержался у танка и вдруг обнаружил непода-

леку на сопках японские пушки. Самурай, почувствовав это, открыл огонь. Но солдат, не обращая внимания, на то, что он один, вступил в схватку с врагами. Четко работала мысль, руки точно управляли рычагами машины. И механик-водитель сумел продержаться, пока не вернулись экипажи других танков. Расправившись с засадой, товарищи тепло поблагодарили Федора Григорьевича за находчивость, мужество и храбрость. Вскоре на груди механика-водителя танков прибавились еще награды-медали «За трудовое отличие» и «За победу над Японией».

В 1948 году бывший фронтвик приехал на Сахалин. И с тех пор трудится в ремонтно-механических мастерских лесхоза. Как у каждого фронтвика, у них немало воспоминаний.

– Мы горды тем, – говорит Федор Григорьевич, – что служили в рядах Советской Армии, самой гуманной и справедливой в мире. Мы испытываем удовлетворение от сознания того, что не уронили боевой славы тех, кто в далеком 18-м году дрался под Нарвой.

И. АКИНИН, заместитель райвоенкома. По материалам газеты «Родная земля» от 11.09.1971 года.

Танкисты преодолевают хребт Большой Хинган. Маньчжурия, август 1945 год

ров в Польше, Германии. Но встретить День Победы с боевыми друзьями не удалось. В первых числах мая 1945 года после тяжелого ранения он вторично попал в госпиталь.

Медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда» – свиде-

тельство неггибаемого мужества, смелости, находчивости советского танкиста. После госпиталя Егорова в составе танковой бригады направляются на Дальний Восток. Это было на территории Маньчжурии. В тоннеле, который казался пустым, танкисты обнаружили замаскированную батарею противника. Маневрируя, они смело пошли на сближение и метко обстреляли врага. Еще несколько выстрелов – и батарея прекратила свое существование. Выполнив задание, танковая рота отправилась обещать. Федор Григорьевич случайно задержался у танка и вдруг обнаружил непода-

(Продолжение. Начало в № 42) Рассказ о войне из книги священника Александра Дьяченко «Преодоление» Живы. Выдержим. Победим. ПРАВДА О ВОЙНЕ

Лето 1942 года прошло через сердца обывателей очень грустно. Окружение и разгром наших войск под Харьковом, сильно пополнившие количество наших пленных в Германии, навели большое на всех уныние. Новое наступление немцев до Волги, до Сталинграда, очень тяжело всеми переживалось. Смертность населения, особенно усиленная в весенние месяцы, несмотря на некоторое улучшение питания, как результат дистрофии, а также гибель людей от авиабомб и артиллерийских обстрелов ощутили все.

У жены украли в середине мая мою и ее продовольственные карточки, отчего мы снова очень сильно голодали. А надо было готовиться к зиме.

Мы не только обрабатывали и засадили огороды в Рыбацком и Мурзинке, но получили изрядную полосу земли в саду у Зимнего дворца, который был отдан нашему госпиталю. Это была превосходная земля. Другие ленинградцы обрабатывали другие сады, скверы, Марсово поле. Мы посадили даже десяток два грядок картофеля с прилегающим кусочком земли, а также капусту, брокву, морковь, лук-сеянец и особенно много турнепса. Сажали везде, где только был клочок земли.

Жена же, боясь недостатка белковой пищи, собирала с овощей слизняков и мариновала их в двух больших банках. Впрочем, они не пригодились, и весной 1943 года их выбросили.

Наступившая зима 1942/43 года была мягкой. Транспорт больше не останавливался, все деревянные дома на окраинах Ленинграда, в том числе и дома в Мурзинке, снесли на топливо и запаслись им на зиму. В помещениях был электрический свет. Вскоре ученым дали особые литературные пайки. Мне как кандидату наук дали литературный паек группы Б. В него ежемесячно входили 2 кг сахара, 2 кг крупы, 2 кг мяса, 2 кг муки, 0,5 кг масла и 10 пачек папируса «Беломорканал». Это было роскошно, и это нас спасло.

Обмороки у меня прекратились. Я даже легко всю ночь дежурил с женой, охраняя огород у Зимнего дворца по очереди, три раза за лето. Впрочем, несмотря на охрану, все до одного кочана капусты украли.

Большое значение имело искусство. Мы начали больше читать, чаще бывать в кино, смотреть кинопередачи в госпитале, ходить на концерты самостоятельности и приезжавших к нам артистов. Однажды мы с женой были на концерте приехавших в Ленинград Д. Ойстраха и Л. Оборина. Когда Д. Ойстрах играл, а Л. Оборин аккомпанировал, в зале было холодно. Внезапно голос тихо сказал: «Воздушная тревога, воздушная тревога! Желающие могут спуститься в бомбоубежище!» В переполненном зале никто не двинулся, Ойстрах благодарно и понимающе улыбнулся нам всем одними глазами и продолжал играть, ни на мгновение не споткнувшись. Хотя в ноги толкало от взрывов и доносились

их звуки и тьяканье зениток, музыка поглотила все. С тех пор эти два музыканта стали моими самыми большими любимцами и боевыми друзьями без знакомства.

К осени 1942 года Ленинград сильно опустел, что тоже облегчало его снабжение. К моменту начала блокады в городе, переполненном беженцами, выдавалось до 7 миллионов карточек. Весной 1942 года их выдали только 900 тысяч.

Эвакуировались многие, в том числе и часть 2-го Медицинского института. Остальные вузы уехали все. Но все же считают, что Ленинград смогли покинуть по Дороге жизни около двух миллионов. Таким образом, около четырех миллионов умерло (По официальным данным в блокадном Ленинграде умерло около 600 тысяч человек, по другим – около 1 миллиона. — ред.) цифра, значительно превышающая официальную. Далеко не все мертвые попали на кладбище. Громадный ров между Саратовской колонией и лесом, идущим к Колтушам и Всеволожской, принял в себя сотни тысяч мертвецов и сровнялся с землей.

Сейчас там пригородный огорок, и следов не осталось. Но шуршащая ботва и веселые голоса убирающих урожай — не меньше счастье для погибших, чем траурная музыка Пискаревского кладбища.

Немного о детях. Их судьба была ужасна. По детским карточкам почти ничего не давали. Мне как-то особенно живо вспоминаются два случая.

В самую суровую часть зимы 1941/42 года я брел из Бехтеревки на улицу Пестеля в свой госпиталь. Опухшие ноги почти не шли, голова кружилась, каждый осторожный шаг преследовал одну цель: продвинуться вперед и не упасть при этом. На Старолевском я захотел зайти в булочную, чтобы отovarить две наши карточки и хоть немного согреться. Мороз пробирал до костей. Я стал в очередь и заметил, что около прилавка стоит мальчишка лет семи-восьми. Он наклонился и весь как бы сжался. Вдруг он выхватил кусок хлеба и только что получившей его женщины, упал, сжавшись в комок спиной вверх, как ежик, и начал жадно рвать хлеб зубами. Женщина, утратившая хлеб, дино завопила: наверное, ее дома ждала с нетерпением голодная семья. Очередь смешалась. Многие бросились бить и топтать мальчишку, который продолжал есть, ватник и шапка защищали его. «Мужчина! Хотя бы вы помогли», — крикнул мне кто-то, очевидно, потому, что я был единственным мужчиной в булочной. Меня закачало, сильно закружилась голова. «Звери вы, звери», — прохрипел я и, шатаваясь, вышел на мороз. Я не мог спасти ребенка. Достаточно было легкого толчка, и меня, безусловно, приняли бы разъяренные люди за сообщника, и я упал бы.

(Продолжение в № 46) По материалам Интернет-сайтов.

Редакция благодарит за помощь в поиске информации работников городской библиотеки, Дома культуры, архивного отдела администрации МО «Макаровский городской округ».

Рубрику подготовила А. ЧИЖИК.